

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Л. Зингалес

Капитализм для народа: как вернуть Америке утраченный ею дух процветания¹

ЗИНГАЛЕС Луиджи (Zingales, Luigi) — заслуженный профессор в области предпринимательства и финансов им. Роберта Маккормака, директор Центра им. Дж. Стиглера Школы бизнеса им. Д. Бута Чикагского университета. Адрес: США, Чикаго, 60637, Юг-Вудлон-авеню, 5807.

Email: Luigi.Zingales@ChicagoBooth.edu

Перевод с англ. Марины Бендет

Публикуется с разрешения Издательства Института им. Гайдара

Луиджи Зингалес, ныне чикагский экономист, воочию наблюдал последствия высокой инфляции и безработицы — в сочетании с кричащим непотизмом и семейственностью — в экономике Италии, где он родился. Этот опыт оказал глубокое влияние на его профессиональные интересы, и в 1988 г. он прибыл в США, вооружённый политической страстью и верой в то, что экономисты должны не просто объяснять мир, но и менять его к лучшему. В книге «Капитализм для народа» Зингалес показывает, что корни американского капитализма подверглись процессу разложения, а результатом этого становится переход к более коррумпированной системе, встречающейся в Европе и большинстве стран мира. Американский капитализм, согласно Зингалесу, вырос в уникальном инкубаторе, где меритократическая природа конкуренции способствовала возникновению веры в рынки и мобильность. Но позднее эта вера была подорвана предательством ориентированных на бизнес элит, чья лоббистская деятельность стала определять работу рынка, и это предательство произошло с молчаливого согласия интеллектуального класса. В результате все мы оказываемся перед выбором между перераспределительным популизмом и ориентированной на бизнес технократией. Однако Зингалес видит выход в прорыночном популизме, поддержке по-настоящему свободной и открытой конкуренции во благо народа, а не во благо крупного бизнеса. Отталкиваясь от истории американского популизма рубежа XX века, Зингалес утверждает, что наша нынешняя ситуация ничем не отличается от тогдашней. Средний класс и бедные беднеют, а богатые — богатеют. Решением теперь, как и тогда, должны стать выравнивающие игровое поле реформы экономической политики. Реформы, которые могут быть направлены против бизнеса (точнее, против крупного бизнеса), в действительности будут прорыночными.

Журнал «Экономическая социология» публикует главу 16 книги Л. Зингалеса — «За рынок, а не за бизнес» («Pro Market. Not Pro Business»), — в которой автор подводит итоги, обобщая основные идеи книги.

Ключевые слова: рыночный капитализм; демократия; социальное неравенство; государство и хозяйство; конкуренция; кризис доверия; элита; хозяйственная этика; популизм; экономическая политика.

¹ Источник: Зингалес Л. (готовится к изданию). *Капитализм для народа: как вернуть Америке утраченный ею дух процветания*. М.: Института Гайдара. Перев. с англ. Zingales L. 2012. *A Capitalism for the People: Recapturing the Lost Genius of American Prosperity*. New York: Basic Books.

Глава 16. За рынок, а не за бизнес

Чего люди больше всего хотят от жизни? Материального благополучия? Благополучие важно, но не менее важна свобода, причём оба этих фактора тесно связаны между собой. Как я уже говорил раньше, интеллектуальная свобода не существует без свободы экономической; аналогичным образом экономическая свобода не может существовать без свободы интеллектуальной. В свою очередь, и экономической, и политической системам необходимы ценности, способные оправдать их существование.

После падения Берлинской стены восторжествовала демократия. Именно эта политическая модель, одержав победу в «холодной войне», обеспечила процветание Запада, позволила «азиатским тиграм» войти в число развитых стран, стала идеалом для бывших коммунистических стран Восточной Европы. В последующие 20 лет аналогичного полного идеологического триумфа добилась капиталистическая модель. Казалось, что альтернатив ей нет.

Однако интеллектуальное превосходство капитализма породило преступную беспечность и экстремизм: преступную беспечность — в связи с вырождением системы, экстремизм — в том, что касалось применения её идеологических принципов. Деньги — независимо от того, каким образом они были получены, — обеспечивали не только финансовое преуспевание, но и престиж в обществе. Представление о том, что «алчность — это хорошо», из вызывающего осуждение отступления от правил превратилось в норму. Капитализм утратил свои высокие моральные принципы.

Финансовый кризис 2007–2008 гг. и последовавшая за ним Великая рецессия спровоцировали новые споры об экономических моделях. Критики капитализма внезапно почувствовали поддержку. Они полагали, что кризис стал подтверждением того, о чём они уже давно говорили: рынки нестабильны, а их масштабные флуктуации дорого обходятся обществу. Эта позиция, прежде высказывавшаяся лишь меньшинством, оказалась преобладающей. Повсюду, от Уолл-стрита до Давоса, рассерженные толпы сторонников движения «Оссуру Wall Street» («Захвати Уолл-стрит») выступали против неравенства, против банков, против богатей — против всего на свете. Однако при этом они не выступали *за* что-либо конкретное. В конце концов протестующие выдвинули уже давно знакомые требования: масштабное вмешательство государства в экономику и перераспределение доходов. Эти меры уже принимались ранее: мы видели, что они не работают. В действительности вину за кризис, по крайней мере отчасти, можно возложить на государство — например, на такие его меры, как снижение ключевой ставки или стимулирование приобретения жилья, приведшие к опасному раздуванию пузыря в сфере жилищного строительства.

Однако кризис так и не сумел пробудить от спячки некоторых теоретиков свободного рынка. В попытках вернуть прошлое они переложили всё бремя ответственности с частного сектора на правительство. Они возлагали вину за кризис лишь на ипотечные агентства Fannie Mae и Freddie Mac, а также на проводимую правительством жилищную политику. Даже если правительство и было виновно в кризисе целиком и полностью, а я полагаю, что это не так, такие меры не были следствием действий правительства, направленных *против* финансовой сферы. Наоборот, они стали результатом интенсивного лоббирования *со стороны* финансовой сферы.

Реальное напряжение

Попытки натравить друг на друга деловые круги и правительство всё больше напоминают цирковую репризу, пережиток идеологических дискуссий XX века. Вернёмся к идее корпорации, размеры которой настолько велики, что она практически не сталкивается с конкуренцией на товарном рынке и при этом обладает значительным политическим влиянием. Разовьём эту идею: на что будет похожа экономика,

основу которой составят несколько подобных компаний, — на капиталистическую или на социалистическую систему? В обоих случаях правительство будет использовать свои возможности принуждения для создания входных барьеров на рынок. В обоих случаях интересы производителей одержат верх над интересами потребителей. В обоих случаях сосредоточение экономического и политического влияния приведёт к подавлению интеллектуальной свободы, хотя, возможно, и в различной степени: эксперты и лица, формирующие общественное мнение, заложат фундамент единодушия в обществе, тогда как инакомыслящих станут жёстко обвинять в неприятии мнения большинства.

Если конкуренция отсутствует, а вся политическая власть сосредоточена в руках нескольких человек, мы имеем дело с социализмом. Если место одной крупной корпорации — государства — занимает несколько корпораций, дело обстоит, конечно, немного лучше, но лишь немного. Экономическая теория учит нас, что в отсутствие множества конкурирующих между собой компаний несколько крупных корпораций в конце концов предпочтут объединиться и действовать вопреки интересам общества.

К счастью, Соединённым Штатам ещё далеко до подобной дистопии. К несчастью, наша страна всё же медленно движется в этом направлении. Мы уже видели, что на то есть множество причин, но главной из них остаётся смешение в умах общества представлений о прорыночной системе и о системе, поощряющей интересы бизнеса. Программы этих систем подчас совпадают, но их объединение способствует развитию кланового капитализма.

В реальной жизни мы сталкиваемся со следующими противоречиями: между меритократией и наследственными привилегиями; между подотчётностью и свободой действий; между свободой и властью; между свободными рынками и клановым капитализмом.

Дух конкуренции

Истинное ядро капиталистической системы — вовсе не частная собственность и не стремление к получению прибыли, а конкуренция. Частная собственность без конкуренции порождает коррумпированные монополии, тогда как конкуренция творит чудеса, максимально увеличивая благосостояние даже в ситуации, когда частная собственность ничем не защищена. Чем масштабнее *политическая* конкуренция, тем лучший результат она даст в политическом плане и в деле обеспечения свобод. Как наказывал нам Адам Смит (его учение подтверждает 200-летняя история экономической науки), важнейшей причиной того, почему свободные рынки обеспечивают столь значительные экономические преимущества, является конкуренция.

Однако, для того чтобы конкуренция действительно могла творить чудеса, необходимы правила. Студенты магистерской программы по управлению бизнесом в Чикагском университете исказили результаты торгов, обнаружив лазейку в системе; аналогичным образом деловые структуры, работающие по некорректным правилам, дают искажённые результаты. Но где же нам взять корректные правила? Если мы осознаем угрозу «захвата» бизнесом регуляторов, политиков и интеллектуалов, сложно понять, каким образом можно использовать государство для ограничения политической составляющей экономического влияния. Лечение может оказаться хуже самой болезни.

Я предложил в этой книге несколько решений этого парадокса. Все они в целом направлены на сокращение вмешательства государства в экономику, но лишь в тех случаях, когда отсутствие такого вмешательства способно обеспечить наиболее благоприятные результаты. К примеру, полный запрет государственных субсидий обеспечит политическую динамику, способную побороть клановость. В результате бизнес будет стремиться к контролю над налогами, а не к получению помощи от правитель-

ства. Если какая-то проблема окажется достаточно значимой — как в случае с ролью банков в финансовом кризисе, — общество всё равно потребует вмешательства государства. Однако насколько необходимо было придавать этому вмешательству форму 2300-страничного закона Додда—Франка и 67 контрольных исследований? Почему нельзя было просто задать обществу вопрос: «Следует ли облагать налогом краткосрочное банковское финансирование?» Если бы такой прямой подход был одобрен, он устранил бы потребность в целой армии юристов и политических консультантов, нанятых для продвижения нового закона.

Точно так же, если бы конгресс продолжил устанавливать налоговые ставки, но отказался одобрить льготный режим налогообложения, это снизило бы риск искажающего политического влияния на экономику. Моё предположение, подкреплённое историческими свидетельствами, заключается в следующем: демократическое правительство лучше всего работает в ситуации, когда оно не требует от граждан слишком многого. Из всех выносимых на голосование в конгрессе вопросов внимание подавляющего большинства избирателей способны привлечь только простые вопросы, которые вызывают достаточно разногласий, чтобы по ним проводилось окончательное поимённое голосование. В том, что касается результатов такого голосования, давление общества может оказаться сильнее давления лоббистов.

Подотчётность

Подотчётность, в основе которой лежит доступ к данным правительства и бизнеса, также очень важна для защиты свободных рынков. Большинство таких данных являются собственностью компаний; те, кто их контролирует, предпринимают агрессивные попытки их защитить: информация обладает определённой ценностью; распространение данных может превратиться в незаконную их конфискацию. Однако есть простое решение. Отложенное раскрытие данных вряд ли может кому-то навредить, но при этом оно способно выявить мошеннические схемы и клановые отношения. Кроме того, сокращению масштабов клановости может способствовать вовсе не избыток новых регулирующих правительственных органов (ведь их легче всего переманить), а множество потенциальных избличителей, приносящих пользу обществу. Однако обычно избличители несут личные потери: их часто увольняют или подвергают остракизму. Необходимо найти способы их награждать за предоставленную ценную информацию и борьбу с корпоративным мошенничеством: это заставит ещё большее количество избличителей обнаруживать новые пороки и недостатки.

Лучший способ борьбы с клановым капитализмом — уравнивание условий игры для лоббистов. Мы никогда не сумеем полностью уравнять их, но раскрытие данных, институт избличителей и групповые иски, безусловно, способны радикально изменить существующее положение вещей.

Рыночная этика

Ещё одна важная составляющая программы, которую предлагает настоящая книга, — возвращение к нравственным основам капитализма и их обновление. В начале существования системы её отчасти поддерживало широко распространённое убеждение в том, что конкуренция способствует достижению лучших результатов. Это убеждение давало нравственное оправдание существованию капиталистической системы, а также создавало социальную норму, способствовавшую функционированию самого капитализма. Деньги были свидетельством успеха, но не были единственной целью экономики. Те, кто добивался успеха, нарушая правила, не получали одобрения общества.

Однако, для того чтобы капитализм мог работать подобным образом, необходимо внедрение важнейших социальных норм приверженцами свободного рынка. Несмотря на определённые перегибы, политическая корректность принесла Америке огромную пользу и способствовала значительному про-

грессу. Борьба различных групп за равенство не шла бы столь быстро, если бы дискриминация не стала не только законодательно наказуемой, но и неприемлемой в обществе. То же верно и в случае с курением. Несмотря на широкие кампании по дезинформации населения, устраиваемые производителями табачных изделий, научная истина восторжествовала: сегодня курение активно осуждается. В этой ситуации общественные санкции оказались лучше запрета. Необходимо организовать такую же борьбу в экономической сфере. Беспринципная деятельность, приносящая вред обществу в целом, подлежит порицанию, а те, кто ею занимается, должны быть подвергнуты остракизму. Общество не одобряет спортсменов, принимающих допинг. Что же тогда говорить о более опасной форме допинга — государственных субсидиях, лоббированием которых занимаются деловые структуры? Бизнес-школы — институты, более всего заинтересованные в долговечности капитализма, — могли бы приступить к организации кампании по применению рыночных норм к деловой сфере.

И последнее, но оттого не менее важное: в моей книге говорится о значительной роли, которую академические круги могли бы сыграть в борьбе за рыночную этику. Конкуренция в интеллектуальной сфере способствует тщательному анализу, требует подотчётности и прозрачности. Если эта книга сумеет положить начало обсуждению той роли, которую могли бы сыграть учёные-экономисты в качестве «стражей свободных рынков», она достигнет своей цели и вернёт Америке утраченный ею дух процветания, вернёт ей капитализм для народа.

NEW TRANSLATIONS

Luigi Zingales

A Capitalism for the People: Recapturing the Lost Genius of American Prosperity (an excerpt)

ZINGALES, Luigi —

Robert C. McCormack
Distinguished Service
Professor of Entrepreneurship
and Finance, Director of the
George J. Stigler Center,
Booth School of Business,
University of Chicago. Address:
5807 S. Woodlawn Avenue,
Chicago, IL 60637, USA.

Email: Luigi.Zingales@ChicagoBooth.edu

Abstract

An economist at the University of Chicago, Luigi Zinagles, who was born in Italy, had a chance to observe for himself the negative consequences of high inflation and unemployment coupled with scandalous nepotism and clan-ship in his homeland. That experience deeply affected his professional inter-ests. In 1988 Zingales moved to the USA, determined to prove that econo-mists are supposed not only to explain the world but also to make it better. In his book “A Capitalism for the People” Zingales shows that American capitalism has been subjected to decay, resulting in the emergence of cor-rupt systems in Europe and many other countries. The American variety of capitalism developed under unique conditions of merit-based competition. Meritocratic competition contributed to an emerging trust in market and social mobility. However, this trust later was broken through the betrayal by those who were oriented to business elites, whose lobbyist groups began

to affect how markets work. Intellectual classes kept silent when that betrayal happened. As a result, we have to choose between ‘redistribution populism’ and ‘business-oriented technocracy.’ However, Zingales suggests a solution associated with pro-market populism and the support of real free and open competition aimed at people’s prosperity and well-being, not aimed solely at serving the interests of large business. Zingales argues that the current situation has a lot in common with American populism in the late nineteenth century. Middle and lower classes have been getting poorer while higher classes have been getting richer. Economic reforms which may make the playing field more even could serve as a solution. Reforms that could be directed against business, primarily large business, actually will turn to be pro-market, according to Zinagles.

Journal of Economic Sociology publishes the last chapter “Pro Market. Not Pro Business,” in which the author summarizes his conclusions and reviews the main ideas of the book.

Keywords: capitalism; democracy; social inequality; state and economy; competition; trust crisis; elites; economic ethics; populism; economic policy.

Received: September 12, 2015.

Citation: Zingales L. (2015) Kapitalism dlya naroda: kak vernut' Amerike utrachennyy eyu dukh protsvetani-ya [A Capitalism for the People: Recapturing the Lost Genius of American Proserity (an excerpt)]. *Journal of Economic Sociology*= *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 16, no 5, pp. 14–19. Available at <http://ecsoc.hse.ru/2015-16-5.html> (in Russian).